

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-44-52  
УДК 329(045)

# Институционализация партийных систем в посткоммунистических странах Европы: факторы и проблемы

С.Л. Чепель

Финансовый университет, Москва, Россия;  
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

## АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу факторов, влияющих на процесс институционализации партийных систем в посткоммунистических странах Европы. Рассматриваются особенности воздействия систем правления на динамику смены партийных предпочтений избирателей. В качестве показателя степени устойчивости и предсказуемости межпартийной конкуренции избран индекс электоральной подвижности. Автор подчеркивает, что системы правления с выраженной политической ролью парламентов, сложившиеся в посткоммунистических странах Европы, потенциально создавали благоприятные условия для институционализации партийных систем. Однако сохранение преимущественно высоких значений индекса электоральной подвижности свидетельствует об ограниченном влиянии институционального фактора на процесс укрепления партийно-групповых связей. Автор приходит к выводу, что неустойчивая институционализация партийных систем является результатом действия объективных факторов, прежде всего — политической культуры.

**Ключевые слова:** институционализация партийной системы; система правления; партийная идентификация; электоральная подвижность; посткоммунистические страны

**Для цитирования:** Чепель С.Л. Институционализация партийных систем в посткоммунистических странах Европы: факторы и проблемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):44-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-44-52

ORIGINAL PAPER

# Institutionalization of Party Systems in Post-Communist Countries of Europe: Factors and Problems

S.L. Chepel

Financial University, Moscow, Russia;  
Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia

## ABSTRACT

The article analyzes the factors that influence the process of institutionalization party systems in post-communist Europe. It considers the impact of governance systems on the changing preferences of voters. The author uses the index of electoral volatility as an indicator of stability and predictability in interparty competition.

The author emphasizes that parliamentary systems with a strong political role in post-communist countries create favorable conditions for party system development. However, high levels of electoral volatility indicate that the institutional factor has limited influence on party-group cohesion. The author argues that the instability of party systems is a result of objective factors, such as political culture.

**Keywords:** institutionalization of party system; government system; party identification; electoral volatility; post-communist countries

**For citation:** Chepel S.L. Institutionalization of party systems in post-communist countries of Europe: Factors and problems. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):44-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-44-52

**И**нституционализация партийных систем была и остается одной из главных тем политических исследований — многие политологи полагают, что ее следует рассматривать как третье важнейшее измерение партийных систем, наряду с выделенными Дж. Сартори количественной фрагментацией и идеологической поляризацией. Действительно, во многих современных демократических государствах отмечается тенденция дестабилизации партийных систем. В странах «старой» демократии, в силу так называемого «культурного сдвига» от ценностей выживания к ценностям самовыражения, наблюдается снижение общественного авторитета партий, что негативно сказывается на уровне институционализации действующих партийных систем. В странах «молодой» демократии частые расколы, слияния, внезапные появления на политической арене новых партий, слабые связи с избирателями тормозят процесс институционализации партийных систем. Безусловно, его укреплению в этих странах способствовала правовая регламентация места и роли партий в политическом процессе за счет принятия соответствующих законов. Однако институционализация партийных систем в широком смысле — как обретение ими долговременной функциональной устойчивости — остается все же не решенной до конца задачей, что поддерживает к ней научный интерес. Но как справедливо замечает Ф. Бертоа, «несмотря на то, что о процессе институционализации партийной системы в различных регионах написано немало, причины, почему некоторые партийные системы институционализируются, а другие нет, остаются загадкой» [1, р. 1].

Сейчас, оценивая итоги политических трансформаций, предпринятых десятками стран мира в ходе так называемой «третьей волны» демократизации, приходится констатировать, что путь в направлении устойчивых демократических режимов оказался не столь простым и прямолинейным, как представлялось многим на рубеже 70–80-х гг. XX в. Опыт политического развития посткоммунистических стран показал, что стабилизация демократических институтов зависела, в первую очередь, от степени их позитивного восприятия как элитами, так и широкими слоями граждан. Обретение общественного консенсуса относительно значимости демократической модели организации политического процесса,

стержнем которой являются конкурентные выборы, происходило во многом благодаря развитию системы партийного представительства интересов различных социальных групп. Особенностью посткоммунистических стран (в силу их тоталитарного прошлого) было проведение радикальных социально-экономических и политических реформ в условиях отсутствия в обществе культуры автономного политического участия, что создавало серьезную угрозу кризиса легитимности власти «молодых» демократий. В свое время К. Дойч, обращаясь к причинам политической нестабильности в модернизирующихся обществах, подчеркивал, что высокая скорость процесса социальной мобилизации снижает коммуникационные возможности элит. «Это ставит их, — писал он, — перед постоянно существующим риском потери связи с недавно мобилизованными социальными слоями, которые до недавнего времени еще не учитывались в политике» [2, р. 499]. В подобной же ситуации в посткоммунистических демократизирующихся обществах партии и система их взаимодействия становились главными институциональными средствами не просто вовлечения граждан в политический процесс, а регулирования расширяющейся общественной политической активности. Неустойчивость партийных систем «молодых» демократий рассматривается в политической науке как одно из главных препятствий на пути их консолидации. Принимая во внимание, что в начале XXI в. в ряде посткоммунистических стран отмечается снижение качества демократических режимов, вопрос о том, какие факторы и в какой степени влияют на уровень институционализации партийных систем, сохраняет актуальность.

Проблема институционализации политических систем впервые была сформулирована С. Хантингтоном в его известной работе «Политический порядок в меняющихся обществах», посвященной анализу различных аспектов политической модернизации. «Институционализация, — по определению исследователя, — это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [3, с. 32]. В качестве измерений уровня институционализации политической системы в целом и ее подсистем им были выделены: адаптивность, сложность, автономия, сплоченность. Так, повышение уровня институционализации

политических структур происходит благодаря нарастанию их способности реагировать на разнообразные запросы социальной среды, развивать функциональную специализацию компонентов, выражать интересы различных групп (а не какой-то одной из них), поддерживать эффективную координацию составных частей.

Современные трактовки процесса институционализации партийных систем во многом опираются на предложенный С. Хантингтоном общетеоретический подход. В частности, С. Мэйнваринг и М. Торкал выделили четыре измерения институционализации партийных систем. По их оценкам, институционализированные партийные системы, во-первых, обладают стабильностью, а образцы партийной конкуренции регулярно воспроизводятся. Во-вторых, партии прочно укоренились в обществе, а большинство избирателей имеют с ними сильную связь. В-третьих, политические акторы придают легитимность партиям и рассматривают их как необходимую часть демократической политики, даже если они критически настроены в отношении конкретных партий или партий вообще. В-четвертых, партии не подчинены интересам нескольких амбициозных лидеров, а приобретают собственный независимый статус и ценность [4, р. 4]. С помощью третьего и четвертого измерений можно, в первую очередь, оценить степень институционализации партий, которая означает их стабилизацию как социальных институтов и демонстрирует уровень гражданской компетентности, позволяющей обществу реально влиять на принятие политических решений. Так, по мнению К. Джанды, институционализация «может быть определена, как степень материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения» [5]. При помощи первого и второго измерений можно непосредственно определить степень институционализации партийных систем, которая представляет собой предсказуемость в отношениях между партиями в ситуации конкурентной борьбы за власть. Основой стабильности межпартийной конкуренции служат прочность партийно-групповых связей и устойчивость партийной идентификации избирателей, снижающие уровень электоральной подвижности. В то же время привычное распределение сил в партийной системе помогает избирателям увереннее свя-

зывать свои ожидания с представленными конкурирующими политическими альтернативами, что также сдерживает мобильность электората. В условиях же слабой социальной и партийной солидарности избирателей и неизбежного при этом конъюнктурного переформатирования партийных систем перед каждым парламентскими выборами электоральная подвижность усиливается, что делает отношения между партиями мало предсказуемыми. Таким образом, динамика электоральной подвижности, демонстрирующая интенсивность смены партийных предпочтений избирателей от выборов к выборам, выступает отчетливым индикатором уровня институционализации партийной системы.

Различаясь по содержанию, институционализация партий и партийных систем являются ключевыми условиями становления консолидированного демократического режима. В связи с этим возникает вопрос: какова последовательность этих двух процессов? Можно допустить, что неопределенность межпартийных отношений способствует снижению доверия избирателей к партиям как таковым. На начальном этапе транзита с такой проблемой столкнулись практически все посткоммунистические страны, оказавшиеся перед необходимостью осуществлять радикальные социально-экономические реформы. Поэтому в ходе электоральной борьбы партии, вынужденные действовать на относительно узком идеологическом поле, оспаривали способность друг друга к проведению данного комплекса реформ, но не саму их необходимость. Это в глазах избирателей делало партии слабо различимыми политическими акторами. Как справедливо отмечала А. Иннес, «если принять во внимание политические ограничения, становится очевидным, что давление демонтажа коммунистической системы оставило мало места для существенной конкуренции по поводу вариантов политики в такой важной области как экономика» [6, р. 2].

Однако по мере укоренения в посткоммунистических странах экономических отношений рыночного типа, возникновения новых линий социальных размежеваний, изменения массовой политической культуры и рутинизации демократического политического процесса партии укрепили свой авторитет в общественном сознании. Именно их организационная сплоченность и функциональная гибкость (при нали-

ции относительно широкой социальной опоры) могли обеспечить устойчивость системы межпартийного взаимодействия, несмотря на его остро конкурентный, а иногда и конфликтный характер. Таким образом, институционализацию партий следует рассматривать как фундаментальную предпосылку институционализации партийной системы в условиях политических отношений конкурентного типа. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением Ф. Бертоа, З. Энеди и М. Мёлдера о том, что «институционализированные партии приводят к более стабильным партийным отношениям, но обратное в большинстве случаев неверно: системы, которые развивают предсказуемые модели партийных отношений, не обязательно способствуют институционализации самих партий» [7, р. 3]. Разумеется, партийная система может обрести относительную стабильность за счет создания государством препятствий на пути легализации тех или иных социально-политических сил и (в целом) снижения уровня состязательности в борьбе за власть. Но при этом замедляется процесс развития партий как социальных институтов и каналов политического влияния гражданского общества, что в стратегическом плане снижает потенциал устойчивости не только партийной, но и всей системы представительного правления. Примерами могут служить системы с доминирующей партией, действовавшие в различных странах мира. Так, в Мексике устойчивая, формально многопартийная система с ведущей ролью Институционно-революционной партии (ИРП), удерживавшей власть на протяжении большей части XX в., просуществовала вплоть до 2000 г., когда кандидат ИРП впервые потерпел поражение на президентских выборах.

Принятие партийной идеологии является, как известно, наиболее прочным основанием долгосрочной и устойчивой партийной идентификации избирателей, препятствующей росту электоральной подвижности и тем самым обеспечивающей институционализацию партийной системы. Особенностью посткоммунистических обществ было отсутствие либо крайне слабое проявление тех социальных размежеваний, которые исторически служили источниками формирования партийной идентификации граждан. В отличие от западноевропейских государств, в посткоммунистических странах партии не располагали социальными и политическими основаниями, достаточны-

ми для обретения отчетливого идеологического лица. Исходя из этого, Г. Китшелът предложил для этой группы стран свою типологию политических партий: харизматические, клиентистские и программные. Харизматические партии привлекают избирателей личными качествами лидеров, но не предоставляют выбора между проектами развития общества. Клиентистские партии делают ставку на патронаж, обретение лояльности избирателей за счет материальных стимулов, а не идей. Программные партии нацелены на реализацию проектов общественного устройства на базе определенной идеологической доктрины, которая служит средством мобилизации избирателей. «Хотя программные партии создать труднее, чем харизматические или клиентистские партии, — отмечал Г. Китшелът, — они с большей вероятностью будут способствовать консолидации и стабилизации демократических режимов, чем два альтернативных вида связи партии и избирателей» [8, р. 450]. Действительно, именно партии, опирающиеся на ценностно-идеологические, а не на эмоциональные и утилитарные мотивы электоральной поддержки, острее ощущают свою политическую ответственность перед социальными группами и устанавливают с ними стабильные связи. В то же время четкие границы идеологических размежеваний между партиями сдерживают электоральную подвижность избирателей, делая конкуренцию предсказуемой. Поэтому следует ожидать, что уровень институционализации партийной системы будет повышаться по мере формирования ее состава в большей степени программными, а не клиентистскими и, тем более, харизматическими партиями.

В поисках ответа на вопросы, какие факторы, в какой степени, по отдельности или в сочетании влияют на процесс институционализации партийных систем, политологи в посткоммунистических странах выдвинули немало гипотез и утверждений. Имеющиеся оценки можно свести к двум традиционно конкурирующим подходам: социокультурному и институционально-нормативному. Сторонники первого полагают, что успех институционализации партийных систем зависит от объективных факторов, таких как характер социальных размежеваний, тип политической культуры, степень распространения в массовом сознании ценностей выживания и самовыражения, специфика предшествовавшего неде-

мократического режима. Сторонники второго, отвергая социальный детерминизм, считают, что стабилизация партийных систем является результатом продуманных решений элит в политико-институциональной сфере.

Следует признать, что особенности посткоммунистического транзита усилили роль субъективного фактора в процессе становления как партийных, так и систем представительного правления в целом. В отличие от поставторитарных, где демократические режимы складывались в обществах с устоявшимися социальными размежеваниями и относительно развитой культурой самовыражения, в посткоммунистических странах они создавались в обществах со слабо выраженными социальными размежеваниями и преобладающей культурой выживания. Другими словами, крайняя ограниченность благоприятных для возникновения демократических институтов объективных факторов компенсировалась в посткоммунистических странах усилиями политических элит в деле конструирования этих институтов. Предполагалось, что устанавливаемые властью институционально-нормативные рамки поведения политических акторов «вынуждают их, приспособляясь к «правилам игры», менять свои предпочтения и тем самым в некоторой степени формируют эти предпочтения» [9, с. 79]. В первую очередь, такими институционально-нормативными рамками выступают системы правления, фиксирующие ту или иную степень разделения государственных властей.

Можно допустить, что более успешно институционализация партийной системы проходит в условиях парламентской республики. Действующее при такой системе правления право парламентских партийных фракций формировать, контролировать, отправлять в отставку правительство стимулирует рост организационной и идейной сплоченности партий, что придает им характер структур программного типа. В результате укрепляется как идеологическая связь каждой партии с электоратом, так и ответственность партий перед избирателями в целом. Напротив, при президентской республике, где парламентские партийные группы не участвуют в формировании правительственного кабинета и не обладают правом отправлять его в отставку, партии выступают главным образом инструментом привлечения электоральной поддержки для кандидатов в ходе всенародных прези-

дентских выборов, рассчитывая на получение постов в структурах исполнительной власти, создаваемой президентом-победителем. После президентских выборов партии, исполнившие роль «избирательных машин», отходят на второй план, что в определенной мере снижает их ответственность перед избирателями за проводимый правительственный курс. В этих обстоятельствах замедляется организационное и идейное развитие партий, и они обретают характер структур клиентистско-харизматического типа. Но так как утилитарные и тем более эмоциональные основания партийной идентификации избирателей не столь прочны, как идеологические, сохранение относительно высокого уровня электоральной подвижности свойственно именно президентским, а не парламентским системам. В ситуации полупрезидентской республики партии могут приобретать в большей степени черты организаций программного или клиентистско-харизматического типа — в зависимости от той роли, которую играет президент в создании и функционировании исполнительной власти. Премьер-президентская система, где правительство несет ответственность только перед парламентом, укрепляет программный характер партий. Президентско-парламентская система, где правительство отвечает как перед парламентом, так и перед президентом, может способствовать усилению клиентистско-харизматического характера партий.

Таким образом, следует предполагать, что степень предсказуемости межпартийной конкуренции будет повышаться по мере становления более партийно-ориентированной, а не персонориентированной политики. Иными словами, продвижение в направлении от президентской к президентско-парламентской, в дальнейшем — к премьер-президентской и, наконец, — к парламентской системе должно сопровождаться снижением уровня электоральной подвижности, а следовательно, более прочной институционализацией партийной системы. В этой связи вполне убедительным выглядит утверждение Г. Китшеля о том, что «партии склоняются больше к организации вокруг программной конкуренции, если правила игры «деперсонализируют» политическую власть и тем самым подрывают отношения патрон-клиент и харизматические авторитеты в пользу «политических команд», объединяющихся вокруг политических платформ» [8, р. 452].

В ходе разработки конституций посткоммунистических стран их составители столкнулись с непростой дилеммой — что обеспечить в первую очередь: широкую представительность или высокую эффективность органов государственной власти, сильную законодательную или сильную исполнительную власть? Решение задач политического и экономического реформирования посттоталитарного общества требовало и того, и другого. К тому же, учитывая ограниченное распространение в политической культуре посткоммунистических элит навыков урегулирования конфликтов, необходимо было минимизировать вероятность возникновения острого противостояния парламента и президента по вопросу приоритетного влияния на правительство. Видимо, поэтому в большинстве посткоммунистических стран Европы в итоге было отдано предпочтение премьер-президентской республике, способной в наибольшей степени поддерживать баланс между законодательной и исполнительной властью. Ряд стран сделали выбор в пользу парламентской республики. Отказ же от использования президентской республики говорил о стремлении не допустить политических кризисов, провоцируемых, как известно, системой разделения властей с типичным для нее противоборством сильного

главы исполнительной власти — президента — и независимого законодательного собрания. Как справедливо отмечал А. Кроувел, анализируя политическое развитие этой группы посткоммунистических стран в 1990-е гг., «большинству новых демократий Восточной и Центральной Европы, похоже, удалось избежать конституционного выбора, ведущего к тупиковым ситуациям между исполнительной и законодательной властью» [10, р. 13]. Размышляя, в каком направлении — парламентаризации или президентализации — будет продвигаться руководство этих стран в дальнейшем, исследователь склонялся к тому, что парламенты сохранят приоритетное влияние на процесс формирования и функционирования исполнительной власти. В последующий период этот прогноз в целом оправдался. Переход Словакии в 1999 г. и Чехии в 2013 г. от парламентских выборов президента к прямым, всенародным выборам главы государства не подорвал действовавшую в этих странах систему сотрудничества властей, так как привел к установлению премьер-президентского типа республики.

Таким образом, системы правления, принятые в рассматриваемой группе посткоммунистических стран Европы, благоприятствовали развитию партийно-ориентированной политики

Таблица / Table

**Системы правления и индексы электоральной подвижности в период 2011–2023 гг. /  
Systems of government and indices of electoral volatility in the period of 2011–2023**

| Страна   | Система правления     | Индекс электоральной подвижности 2011–2019 гг. | Индекс электоральной подвижности 2016–2023 гг. |
|----------|-----------------------|------------------------------------------------|------------------------------------------------|
| Венгрия  | Парламентская         | 16,9                                           | 46,5                                           |
| Латвия   | Парламентская         | 40,8                                           | 48,1                                           |
| Эстония  | Парламентская         | 19,8                                           | 12,8                                           |
| Румыния  | Премьер-президентская | 44,1                                           | 21,8                                           |
| Словакия | Премьер-президентская | 29,8                                           | 38,1                                           |
| Словения | Премьер-президентская | 41,6                                           | 39,1                                           |
| Чехия    | Премьер-президентская | 31,3                                           | 48,9                                           |
| Болгария | Премьер-президентская | 21,3                                           | 26,7                                           |
| Литва    | Премьер-президентская | 39,9                                           | 24,1                                           |
| Польша   | Премьер-президентская | 32,3                                           | 19,4                                           |

Источник / Source: рассчитано автором по: URL: [www.parties-and-elections.eu](http://www.parties-and-elections.eu); [www.electionguide.org](http://www.electionguide.org) / calculated by the author based on: URL: [www.parties-and-elections.eu](http://www.parties-and-elections.eu); [www.electionguide.org](http://www.electionguide.org)

и приобретению партиями черт организаций программного типа. Поэтому, с теоретической точки зрения, здесь следовало бы ожидать успешной институционализации партийных систем, и прежде всего в парламентских республиках: Венгрии, Латвии и Эстонии. Однако значения и динамика индекса электоральной подвижности не дают оснований для однозначного подтверждения такого предположения. Как следует из данных *таблицы*, только Эстония в обозреваемый период демонстрировала стабильно низкие значения индекса электоральной подвижности. Несмотря на то, что на парламентских выборах 2019 г. на политическую арену вышла, а в 2023 г. заметно улучшила свои электоральные показатели новая партия — Эстония 200, структура конкуренции не изменилась. В течение долгого времени партийную систему Эстонии неизменно составляли: Партия реформ, Центристская партия, Консервативная народная партия, Социал-демократическая партия, партия «Отечество». В тот же период в Латвии наблюдался стабильно высокий уровень электоральной подвижности за счет как активного перемещения поддержки электората от одной из действующих партий к другой, так и голосования избирателей за новые партии. Так, по итогам парламентских выборов 2022 г., три новые партии — «Объединенный список», «За стабильность», «Латвия на первом месте», получившие в сумме почти 25% голосов избирателей, вошли в парламент. В Венгрии значительный рост уровня электоральной подвижности произошел главным образом в результате изменения расстановки партийных сил, а не смены партийных предпочтений избирателей. Ряд партий, утвердившихся на политической арене страны и самостоятельно участвовавших в парламентских выборах 2014 и 2018 гг., на выборах 2022 г. объединились в оппозиционную коалицию «Вместе за Венгрию» с целью противостоять коалиции Фидес-ХДНП, длительное время находящейся у власти. В какой-то мере это переформатирование партийной системы стало результатом влияния действующей смешанной избирательной системы. Избрание значительной доли депутатов венгерского парламента в одномандатных округах с использованием мажоритарной системы вынуждает партии создавать коалиции для выдвижения совместных кандидатов, способных заручиться поддержкой более 50% избирателей округа.

Премьер-президентские республики в рассматриваемой группе стран несколько различаются в плане полномочий глав государств. Согласно методике подсчета индекса формы правления, предложенной О. И. Зазнаевым, Болгария, Литва, Польша являются сбалансированными полупрезидентскими системами, где президент обладает не только церемониальными, но и отдельными реальными полномочиями, а Румыния, Словакия, Словения — парламентаризованными системами, в которых президент выполняет только церемониальные функции. [11, с. 154]. К парламентаризованным системам следует отнести и Чехию — после перехода к прямым выборам президента в 2013 г. Учитывая вышеизложенные теоретические подходы, следовало бы ожидать более низкого уровня мобильности электората в парламентаризованных, а не сбалансированных системах. Однако, как видно из *таблицы*, наблюдается противоположная ситуация. В парламентаризованных системах средний показатель индекса электоральной подвижности в 2011–2019 гг. составлял 36,7, а в 2016–2023 гг. — 36,9, в сбалансированных же системах в те же периоды он был равен 31,1 и 23,4 соответственно. Таким образом, доминирующая роль парламента в организации, функционировании и контроле исполнительной власти не оказывает стабилизирующего воздействия на партийную систему. Эти количественные данные скорее указывают на то, что прямые выборы президента, располагающего хотя бы некоторыми реальными полномочиями, в большей степени сдерживают фрагментацию партийной системы, чем прямые выборы президента как исключительно символической фигуры.

Весьма противоречивая картина динамики мобильности электората в парламентских республиках, а также уровень электоральной подвижности — более высокий в парламентаризованных республиках, чем в сбалансированных полупрезидентских, ставят под сомнение значимость системы правления как фактора, влияющего на институционализацию партийных систем в странах «новой» демократии. В этой связи следует согласиться с утверждением С. Волинеца, что «в конечном счете, партийная система не может быть институционализирована, если она не имеет

регулярного и четко выраженного ядра, компоненты которого изменяются постепенно, с регулярными и предсказуемыми моделями взаимодействия» [12, р. 15]. Видимо, в посткоммунистических странах Европы, как когда-то в западноевропейских государствах, формирование устойчивого набора партий как гаранта предсказуемости межпартийной конкуренции зависит в большей степени от зрелости объективных факторов: структуры социальных размежеваний и типа массовой политической культуры. Подтверждением ограниченного влияния институциональных факторов на стабилизацию партийных систем посткоммунистических стран Европы являются и неоднозначные политические результаты применения избирательных систем. Так, отмеченные выше значительно различающиеся уровни электоральной подвижности в Эстонии и Латвии имели место в условиях действия одного и того же типа избирательной системы — пропорциональной, с открытыми списками и 5%-ным заградительным барьером, которая должна бы содействовать укреплению партийной идентификации граждан. Высокий уровень мобильности электората наблюдался и в других странах, применяющих пропорциональную систему, прежде всего в Словакии, Словении

и Чехии. В то же время, несмотря на использование в Литве смешанной пропорционально-мажоритарной избирательной системы, при которой должно усиливаться «стратегическое голосование» избирателей и, следовательно, нарастать интенсивность смены их партийных предпочтений, уровень электоральной подвижности был весьма умеренным.

Подводя итоги, можно констатировать, что сохранение в посткоммунистических странах Европы довольно высоких значений индекса электоральной подвижности свидетельствует об ограниченной степени институционализации партийных систем. Сравнение уровней мобильности электората в рассматриваемой группе стран не подтверждает предположения о том, что межпартийная конкуренция приобретает стабильность и предсказуемость в условиях систем правления с сильной политической ролью парламента, которые объективно должны способствовать развитию партий программного типа. Следует признать, что непрочность идеологической партийной идентификации избирателей, во многом сохраняющаяся персонификация партий как главные препятствия институционализации партийных систем являются следствием объективных социально-экономических и социокультурных факторов.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Bertoa F.C. Party system institutionalization and its sources: reducing causal complexity in post-communist Europe. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.partylaw.leidenuniv.nl/uploads/wp1511.pdf&ved=2ahUKEwi547m3idGEAxVQGBAIHduzDDcQFnoECAQAQAg&usg=AOvVaw2CArjK8rS9qLOG1wuBLd\\_s](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.partylaw.leidenuniv.nl/uploads/wp1511.pdf&ved=2ahUKEwi547m3idGEAxVQGBAIHduzDDcQFnoECAQAQAg&usg=AOvVaw2CArjK8rS9qLOG1wuBLd_s)
2. Deutsch K. Social mobilization and political development. *The American Political Science Review*. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://cool.ntu.edu.tw/files/1018470/download%3Fdownload\\_frd%3D1&ved=2ahUKEwiw3lu7jtGEAxU4EBAIHbXrAzgQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw1uPmHdhVSuY9b1Hbd038jC](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://cool.ntu.edu.tw/files/1018470/download%3Fdownload_frd%3D1&ved=2ahUKEwiw3lu7jtGEAxU4EBAIHbXrAzgQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw1uPmHdhVSuY9b1Hbd038jC)
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция; 2004. Huntington S. Political order in changing societies. Moscow: Progress-Tradicia; 2004. (In Russ.).
4. Mainwaring S., Torcal M. party system institutionalization and party system theory after the third wave of democratization. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.researchgate.net/publication/264888729\\_Party\\_system\\_institutionalization\\_and\\_party\\_system\\_theory\\_after\\_the\\_third\\_wave\\_of\\_democratization&ved=2ahUKEwi86rqFitGEAxU6HBAIHQOAjYQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw2i2mvRZrm3w13jc1RmtVtN](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.researchgate.net/publication/264888729_Party_system_institutionalization_and_party_system_theory_after_the_third_wave_of_democratization&ved=2ahUKEwi86rqFitGEAxU6HBAIHQOAjYQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw2i2mvRZrm3w13jc1RmtVtN)
5. Janda K. Comparative political parties: research and theory. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://janda.org/comparative%2520parties/janda\\_on\\_parties.htm&ved=2ahUKEwjUv9aYjNGEAxULLRAIHb64CTMQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw1NdbwPdGAU4Et90iOyPp5f](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://janda.org/comparative%2520parties/janda_on_parties.htm&ved=2ahUKEwjUv9aYjNGEAxULLRAIHb64CTMQFnoECAkQAQAg&usg=AOvVaw1NdbwPdGAU4Et90iOyPp5f)
6. Innes A. Party Competition in Post-Communist Europe: The Great Electoral Lottery. P. 2 2002. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=http://aei.pitt.edu/9279/1/Innes.pdf&ved=2ahUKEwjcofK6i9GEAxXhEhAIHcJ8BjgQFnoECAQAQAg&usg=AOvVaw35k4g8nloZKLXntJ\\_OdOiV](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=http://aei.pitt.edu/9279/1/Innes.pdf&ved=2ahUKEwjcofK6i9GEAxXhEhAIHcJ8BjgQFnoECAQAQAg&usg=AOvVaw35k4g8nloZKLXntJ_OdOiV)

7. Bertoa F., Enyedi Z. Molder m. party and party system institutionalization: which comes first? URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.researchgate.net/publication/374800631\\_Party\\_and\\_Party\\_System\\_Institutionalization\\_Which\\_Comes\\_First&ved=2ahUKEwj178XkhtGEAxX8PhAIHaCWBTCQFnoECAIQAg&usg=AOvVaw1\\_6GQRvaa6bsHFiYsVuLGW](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.researchgate.net/publication/374800631_Party_and_Party_System_Institutionalization_Which_Comes_First&ved=2ahUKEwj178XkhtGEAxX8PhAIHaCWBTCQFnoECAIQAg&usg=AOvVaw1_6GQRvaa6bsHFiYsVuLGW)
8. Kitschelt H. Formation of party cleavages in post-communist democracies: theoretical propositions. *Party Politics*. 1995;1(4):447–472.
9. Чепель С.Л. Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 2023;13(4):77–84. Chepel S.L. The impact of institutional factor on the dynamics of electoral volatility in post-communist countries of Europe. *Gumanitarnye Nauky. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):77–84 (In Russ.).
10. Krouwel A. Measuring presidentialism of Central and East European Countries. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://research.vu.nl/files/74101103/2C\\_48BD\\_55-668E-41F8-9ACCE\\_44BDE\\_49E\\_34C&ved=2ahUKEwj0l-WukdGEAxU\\_8JRAIHRMQDzcQFnoECAoQAg&usg=AOvVaw21mU\\_1AA\\_vu8FCXpQpRld58](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://research.vu.nl/files/74101103/2C_48BD_55-668E-41F8-9ACCE_44BDE_49E_34C&ved=2ahUKEwj0l-WukdGEAxU_8JRAIHRMQDzcQFnoECAoQAg&usg=AOvVaw21mU_1AA_vu8FCXpQpRld58)
11. Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства. *Политические исследования*. 2007;(2):146–164. Zaznaev O.I. Index Analysis of semi-presidential states in Europe and post-soviet space. *Politicheskie Issledovaniya=Political Studies*. 2007;(2):146–164. (In Russ.).
12. Wolinetz S. Party System Institutionalization: Bringing the System Back In. URL: [https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://citeseerx.ist.psu.edu/document%3Frepid%3Drep1%26type%3Dpdf%26doi%3D509bbd1d69cfe47a12b7775e34ce95c0d4337034&ved=2ahUKEwi86rqFitGEAxU\\_6HBAIHqOAjYQFnoECAQAg&usg=AOvVaw0C\\_8mUltVAGTfyQ-4vZ0rnK](https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://citeseerx.ist.psu.edu/document%3Frepid%3Drep1%26type%3Dpdf%26doi%3D509bbd1d69cfe47a12b7775e34ce95c0d4337034&ved=2ahUKEwi86rqFitGEAxU_6HBAIHqOAjYQFnoECAQAg&usg=AOvVaw0C_8mUltVAGTfyQ-4vZ0rnK)

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

**Сергей Львович Чепель** — кандидат исторических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; доцент кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

**Sergey L. Chepel** — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

SLChepel@fa.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.*

*Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 10.04.2024; принята к публикации 05.05.2024.*

*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

*The article was received on 10.04.2024; accepted for publication on 05.05.2024.*

*The author read and approved the final version of the manuscript.*